

Научная статья

УДК 343.535.1

doi: 10.47475/2618-8236-2022-17206

К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве

Нина Александровна Новокшонова¹✉, Дарья Андреевна Федейкина²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹Челябинский филиал РАНХиГС, Челябинск, Россия

¹nina_novokshonov@mail.ru

²darya.fedeykina.99@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы определения правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве, а также проблемы оправдания объективного банкротства и круга контролирующих лиц в банкротстве.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующие должника лица, объективное банкротство, деликтная ответственность

Для цитирования: Новокшонова Н. А., Федейкина Д. А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 36–45. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17206.

Original article

On the issue of bringing to subsidiary liability the persons controlling the debtor in bankruptcy

Nina A. Novokshonova¹✉, Darya A. Fedeykina²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹Chelyabinsk Branch of RANEP, Chelyabinsk, Russia

¹nina_novokshonov@mail.ru

²darya.fedeykina.99@mail.ru

Abstract. The problems of determining the legal nature of subsidiary liability of persons controlling the debtor in bankruptcy, as well as the problems of recovery of objective bankruptcy and the circle of controlling persons in bankruptcy are considered.

Keywords: subsidiary liability, persons controlling the debtor, objective bankruptcy, tort liability

For citation: Novokshonova NA, Fedeykina DA. On the issue of bringing to subsidiary liability the persons controlling the debtor in bankruptcy. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2022;7(2):36-45. doi: 10.47475/2618-8236-2022-17206.

Несмотря на то что до 1 октября 2022 года Постановлением Правительства РФ от 28 марта 2022 года № 497 введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, вопрос о правовой природе субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, определения дефиниции «контролирующих должника лиц», а также условий удовлетворения таких требований остаются не только

в тренде банкротного права, но и гражданского права в целом. Современная сложная экономическая ситуация способствует росту банкротств. По данным портала «Федресурс», в первом квартале 2022 года количество банкротств юридических лиц возросло на 6,4%, до 2544². Статистика за 2021 год также неутешительна, количество

² Банкротство в России: итоги 1 кв. 2022 года. Статистический релиз Федресурса (<https://fedresurs.ru/news/c2288ba3-3dec-429a-8a33-e1116b05ebc9>; дата обращения 25.04.2022).

банкротств юридических лиц выросло на 3,9% по сравнению с 2020 годом — до 10319, после снижения на 19,9% годом ранее¹. При этом интересно, что количество удовлетворенных судами заявлений о привлечении контролирующих должника лиц (далее — КДЛ) к субсидиарной ответственности также увеличивается, исключение составляет 2020 год: за 2016 год — 16%, 2017 — 22%, 2018 — 38%, 2019 — 41%, 2020 — 39%, 2021 — 46%; количество привлеченных к ответственности КДЛ: в 2016 году — 506 чел., 2017 — 923 чел., 2018 — 2125 чел., 2019 — 3401 чел., 2020 — 3191 чел., 2021 — 3520 чел.; общий размер присужденных кредиторам сумм (руб.): в 2016 году — 70 млрд, 2017 — 103,2 млрд, 2018 — 330,3 млрд, 2019 — 440,5 млрд, 2020 — 395,3 млрд, 2021 — 444,8 млрд [3]. В целом снижение количества заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности КДЛ объясняется тем, что часть 2020 года суды не работали из-за пандемии. К тому же некоторым организациям в 2020 году государство оказало поддержку как пострадавшим от пандемии.

Дефиниция «субсидиарная ответственность» в рамках дела о банкротстве отличается своей спецификой, ввиду того что, во-первых, в судебной практике имеются разночтения при использовании и определении правовой природы термина, во-вторых, в рамках «банкротного» законодательства, данный термин до сих пор нормативно не закреплен.

Прежде всего необходимо определить правовую природу субсидиарной ответственности в банкротстве. Первая позиция связана с зарубежным подходом. В зарубежном законодательстве такая ответственность вытекает из теории «снятия корпоративной вуали», или «пронизывающей ответственности», в Германии. Как известно данная доктрина появилась в Великобритании в деле *Solomon v. Solomon* (1897), в котором кредиторы пытались взыскать долги общества с одного из акционеров ввиду невозможности обществом погасить перед ними задолженность, что фактически схоже с современным механизмом привлечения к субсидиарной ответственности. Проблема применимости теории «срывания корпоративной вуали» в российском праве у цивилистов вызывает ряд вопросов. Так,

¹ Банкротство в России: итоги 2021 года. Статистический релиз Федресурса (<https://fedresurs.ru/news/a57795a8-e1f1-4e2e-ba8b-da58725127e2?attempt=1>; дата обращения 25.04.2022).

до сих пор не дано единого, законодательно закрепленного понятия описываемой концепции [4], но при этом все предлагаемые формулировки, доктрины («срывание», «прокалывание», доктрина «проникающей ответственности») имеют схожие черты и определяются как «механизм раскрытия лица, действия которого повлекли неблагоприятные последствия для контрагента иного лица, зависимого в той или иной мере, а также возможности или невозможности привлечения к ответственности данного лица» [5]. Схожее определение дают С. Л. Будылин, Ю. Л. Иванец, определяя суть «снятия корпоративной вуали» следующим образом: «...При определенных условиях злоупотребления правом со стороны корпорации ответственность по обязательствам юридического лица может быть возложена на акционеров или иных контролирующих его лиц, невзирая на нормы закона об ограниченной ответственности акционеров, и т. д.» [цит. по: 4]. В зарубежном законодательстве эта теория связана со злоупотреблением своими правами участниками юридического лица, в результате чего суд вправе «дотянуться» до имущества учредителей и классическая теория отделения имущества участников от имущества юридического лица не работает. Аналогичный вывод мы видим в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», где указано, что привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта, наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица.

Вторая позиция — это определение правовой природы ответственности КДЛ как субсидиарной ответственности. При формулировке понятия «субсидиарная ответственность за обязательства должника» необходимо поставить вопрос о том, можно ли термин «субсидиарная ответственность КДЛ»

определять через общую норму, закрепленную в ст. 399 ГК РФ. Дискуссия о правовой природе субсидиарной ответственности в делах о банкротстве и о ее соотношении с общей моделью субсидиарной ответственности, предусмотренной ст. 399 ГК РФ, продолжаются в теории права по настоящее время. Так, В. Ф. Попондопуло и Е. В. Силина (Слепченко) «не исключали применение общих положений ГК РФ при определении правовой природы субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Суды должны ориентироваться все-таки на договорную, а не деликтную природу субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в деле о банкротстве» [См.: 6].

В литературе достаточно много споров о возможности применения общих положений ГК РФ о субсидиарной ответственности, ведь действительно по смысловому контексту и по правовому регулированию нормы имеют ряд общих черт, так как ответственность лица наступает дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником, обязанности предъявления требований к основному должнику перед применением механизма о субсидиарной ответственности. При всей схожести все-таки не стоит упускать из виду то, что при соотношении общей и частной норм приоритет отдается частной норме, то есть нормам о субсидиарной ответственности, закрепленным в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ЗоБ). Когда данный институт только формировался в нашем законодательстве (ответственность за доведение до банкротства), речь шла о том, что привлекать к этой ответственности можно КДЛ только дополнительно, когда уже известно, что конкурсной массы недостаточно для расчетов с кредиторами, если сам должник не смог расплатиться. Однако следует констатировать, что на сегодняшний момент этот банкротный институт серьезно эволюционировал и его вряд ли можно считать именно дополнительной ответственностью.

Следующая позиция состоит в том, что это ответственность за вмешательство в дела третьего лица. Казалось, окончательную точку в споре о правовой природе субсидиарной ответственности поставил Верховный Суд РФ, указав на то, что, субсидиарная ответственность по обязательствам должника (несостоятельного лица) — это «вид гражданско-правовой ответственности, которая наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредитора

подконтрольного лица. В части, не противоречащей специальному регулированию законодательства о банкротстве, данный вид ответственности подлежит применению положения гл. 25 и 59 Гражданского кодекса Российской Федерации» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016). ВС РФ указывает на деликтный характер субсидиарной ответственности (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53). Несмотря на указанную позицию ВС РФ, в судебной практике имеются и противоположные выводы: «По своей правовой природе субсидиарная ответственность является дополнительной по отношению к обязательству основного должника» (ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве носит исключительный и экстраординарный характер (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2020 № Ф07-16615/2019 по делу № А56-66487/2010, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2020 № 09АП-2781/2020 по делу № А40-103736/2016, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2020 № Ф05-11415/2019 по делу № А40-203647/2015). Однако в этой связи возникает проблема определения объема этой ответственности. При классической деликтной ответственности объем вреда определяется суммой, на которую уменьшилось имущество потерпевшего, например на размер утраченного. При определении объема возмещения вреда при субсидиарной ответственности в банкротстве объем ответственности гораздо больше; так, например, если продали активы компании по заниженной цене, что привело к прекращению деятельности компании и впоследствии к банкротству, то убытки здесь определяются далеко не суммой занижения цены.

Четвертой позиции придерживается Р. Т. Мифтахутдинов: «...Это никакая не субсидиарная (в смысле субстантивная, дополнительная) ответственность, а классический деликт, потому что вред кредиторам был причинен в результате противоправного поведения»¹. ВС РФ конкретизирует, указывая на то, что «субсидиарная ответственность по обязатель-

¹ См.: Румак В. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях. [Интервью с Р. Т. Мифтахутдиновым] // Закон. 2018. № 7. С. 9.

ствам должника является формой ответственности контролирующего должника лица за доведение до банкротства, вред в таком случае причиняется кредиторам в результате деликта контролирующего лица — неправомерного вмешательства в деятельность должника, вследствие которого должник теряет способность исполнять свои обязательства»¹. В указанном судебном акте ВС РФ указывает еще на один критерий отграничения субсидиарной ответственности КДЛ от деликтной ответственности — самостоятельность должника. Определение понятия «отрицание самостоятельности должника» понимается как использование функций других субъектов (уполномоченных лиц и др.) при получении преимуществ, тогда как в деликтной ответственности используется имущество должника для получения преимуществ лицом, имеющим полномочия на распоряжение таким имуществом (без отрицания самостоятельности должника). При этом в указанном случае необходимо сделать исключение для директора компании, так как Е. Д. Суворов пишет, что «основанием для субсидиарной ответственности является не столько то, что лицо причинило убыток конкурсной массе, сколько то, что данное лицо своими действиями отрицало самостоятельность должника, принимая решения за него без учета самостоятельности его функции и необходимости ее реализации» [4. С. 42].

Исходя из указанного необходимо отметить, что для субсидиарной ответственности КДЛ должник полностью подконтролен (отрицание самостоятельности должника) и не может совершать иные действия как связанные с выводом активов и причинения убытков кредитором. Неординарное мнение высказал И. В. Горбашев, указав на то, что субсидиарная ответственность КДЛ «является частным случаем иска об убытках» [5. С. 154]. Есть мнение о субсидиарной ответственности как о самостоятельном виде ответственности: «субсидиарная ответственность по обязательствам должника — исключение из общего правила об ограниченной ответственности (самостоятельной ответственности отдельных субъектов)» [См.: 6. С. 302]. Отрицают деликтную природу субсидиарной ответственности Д. Ломакин, О. Гентовт, аргументируя тем, что она «представляет собой самостоятельный

подвид ответственности за не деликтные правонарушения, к числу которых наряду с противоправными действиями контролирующих лиц можно отнести недействительные сделки, неосновательное обогащение, а также иные правонарушения, отличающиеся от деликта и нарушений договора» [7. С. 13]. Разграничение деликтной и субсидиарной ответственности подробно описывает Р. К. Лотфуллин. Он делит деликтную ответственность на ответственность за вред, причиненный в результате налогового правонарушения, и на ответственность за умышленные действия, направленные на создание невозможности получения кредитором должника исполнения за счет имущества контролирующего должника лица (в частности, в результате безвозмездного получения от данного лица его детьми имущества); ответственность за вред, причиненный кредитором в результате предоставления ему ложной информации о должнике (в частности, при получении должником кредита)» [8. С. 32].

Так называемое «дробление» деликтной ответственности исключает возможность ошибочности определения ее правовой природы, а соответственно, дает возможность кредиторам обеспечить необходимый круг доказательств, что, в свою очередь, исключает затягивание многочисленных судебных процессов. При этом необходимо отметить, что деликтная ответственность подчиняется правилу «генерального деликта», в случае же субсидиарной ответственности за деятельность должника необходимо говорить о ее вторичности по отношению к ответственности основного должника. Так, при деликтной ответственности причинитель вреда несет ответственность в полном объеме, а в случае субсидиарной ответственности КДЛ можно говорить о том, что она ограничена размером задолженности, не погашенной основным должником. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности КДЛ необходимо отличать от взыскания убытков. В Постановлении Пленума № 53 от 21.12.2017 указано: «При решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению — общие положения о возмещении убытков (ст. 53.1 ГК) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Закона о банкротстве), — суд оценивает, насколько существенным было негативное воздействие: как изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели», — в связи с чем можно говорить о том, что возмещение убытков с КДЛ отличается от субсидиарной

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 7.

ответственности. Во-первых, необходимо отвечать на вопрос: привели ли действия КДЛ к объективному банкротству или же вред был причинен, но не является причиной банкротства? При возмещении убытков не учитывается срок контроля КДЛ, то есть иски могут быть предъявлены не в рамках трехлетнего срока контроля. Отличие наблюдается и в размере ответственности. Если взыскиваются убытки, то размер ответственности устанавливается по правилам ст. 15 ГК РФ, размер же субсидиарной ответственности устанавливается исходя из размера требований кредиторов в непогашенной части (ст. 61.11 ЗоБ) либо рассчитывается исходя из размера обязательств, возникших после необходимой даты обращения должника с заявлением о собственном банкротстве и до фактической даты возбуждения дела о банкротстве (ст. 61.12 ЗоБ). Стоит отметить, что в случае, если заявитель выберет ненадлежащий способ защиты своих прав, суд в судебном акте исходя из доказательственной базы и обстоятельств укажет на верный механизм защиты прав и разрешит спор по существу.

Правовую природу субсидиарной ответственности суд видит в том, что это типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением должника до банкротства. Выделение названного иска позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания (Определение ВС РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007).

Таким образом, можно сделать вывод, что субсидиарная ответственность КДЛ в банкротстве — это особый (экстраординарный) вид ответственности контролирующего лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам, который применим исключительно в рамках и по основаниям Закона о банкротстве в целях восстановления нарушенных прав кредиторов юридического лица и должен рассматриваться как особый деликт.

В законодательстве выделяются следующие виды субсидиарной ответственности КДЛ в банкротстве: 1) за невозможность полного погашения требований кредиторов (ответственность за доведение до банкротства); 2) за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ответственность за нарушение обязанности информировать кредиторов о финансовом неблагополучии должника); 3) за нарушение банкротного законодательства; 4) корпоративные убытки.

Можно ли сказать, что сейчас идет массовое привлечение КДЛ к ответственности, и сформулированы ли на сегодня основания ограничения ответственности? С одной стороны, следует отметить, что эволюционирует система злоупотреблений при банкротстве. Если раньше имущество переписывали на родственников, то сегодня выводят активы должника на формально независимых лиц или создают цепочку сделок, чтобы спрятать имущество. Формы злоупотреблений становятся все более изощренными, а соответственно, необходимо совершенствовать и механизм борьбы с такими нарушениями, а также развивать институт субсидиарной ответственности КДЛ в банкротстве. Пока этого института до 2017 года не было в современном виде, говорить о наполняемости конкурсной массы не приходилось. С другой стороны, необходимо определить четкие правила и пределы привлечения к ответственности. Что же может явиться основанием для отказа от привлечения к ответственности?

Во-первых, можно назвать экономический кризис как основание освобождения от ответственности. Так, в Постановлении АС МО от 05.02.2020 № А41-21207/2015 суд указал, что банкротство вызвано совокупностью внешних неблагоприятных факторов, сложившихся в экономике. То есть суд должен изучить все причины банкротства конкретного должника; например, в рассматриваемом деле процентная ставка возросла с 12 до 21 % в связи с односторонним волеизъявлением банка.

Во-вторых, правило защиты делового решения, то есть менеджмент корпорации должен быть защищен от ошибки. Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53: КДЛ не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов. При рассмотрении споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности данным правилом о защите делового решения следует руководствоваться с учетом сложившейся практики его применения в корпоративных отношениях, если иное не вытекает из существа законодательного регулирования в сфере несостоятельности. То есть мы должны сравнивать с обычным средним директором, а не с лучшим менеджером. Все это достаточ-

но хорошо разработано в корпоративном праве как добросовестность и разумность действий директора. Примером может служить Постановление АС ДВО от 28.08.2020 № А51-8778/2017: суд сделал вывод о том, что выдача поручительства за аффилированное лицо не может быть вменена КДЛ как основание для привлечения его к ответственности.

При исследовании специфики субсидиарной ответственности КДЛ необходимо детально исследовать субъектный состав участников правоотношения, а именно правовые особенности статуса лица контролирующего должника.

Так, определение понятия КДЛ закреплено в ст. 61.10 ФЗ № 127, и, анализируя данную дефиницию, необходимо обратить внимание на темпоральный критерий ее изменения. Так, до 2017 года срок непосредственного влияния был не три года, а два, что позволяло лицам, контролирующим должника, избегать ответственности, например, путем затяжных судебных процессов. Некоторые авторы ошибочно полагали о ретроспективном действии нормы Федерального закона от 23.06.2016 № 222-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», увеличившей срок влияния КДЛ, но дискуссия в науке продолжалась недолго, и окончательную точку по этому вопросу поставил налоговый орган в Письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ», указав на запрет ретроспективного действия нормы. Увеличение срока до трех лет и начало исчисления периода контроля (ранее отсчитывался с момента подачи заявления о банкротстве, сейчас же — с момента наступления «объективного банкротства») пресекают уход от субсидиарной ответственности КДЛ.

Для наделения лица статусом КДЛ необходимо к тому же наличие «возможности определять действия должника». ФЗ № 127 фиксирует такие способы, при этом оставляя перечень открытым, в связи с чем по этому вопросу было дано разъяснение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53, где определение действий должника трактуется следующим образом: «Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника».

Таким образом, для признания лица КДЛ необходимы временной критерий влияния на должника, определение действий должника, наличие вины и причинно-следственной связи между действиями КДЛ и банкротством должника. Для упрощения процедуры доказывания статуса КДЛ в ЗоБ также были включены «презумпции» признания КДЛ, бремя опровержения которых лежит на лице, которое было заявлено как контролирующее должника. Так, п. 4 ст. 61.10 ЗоБ указывает на следующие презумпции, которые желательно рассматривать и доказывать в совокупности, в противном случае может последовать отказ в признании у лица статуса КДЛ (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.11.2020 № Ф09-8660/18 по делу № А60-50826/2016): «презумпции контроля» и «презумпции распоряжения». Содержание целесообразно раскрыть следующим образом: «лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии; имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50% и более голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной доли уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника; извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени, включая членов коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления)». В литературе встречаются точки зрения, где данную презумпцию дополнительно делят на «презумпцию фактического контроля и отсутствие контроля». Отсутствие контроля закреплено в законе — п. 6 ст. 61.10 ЗоБ.

Фактический контроль включает «наличие реальной власти (фактической, а не юридической) одного лица над другим лицом, исключение или подавление де-факто контролирующим лицом воли контролируемого лица» [10. С. 110]. При этом стоит учитывать, что номинальный руководитель не утрачивает статуса КДЛ и также несет субсидиарную ответственность, «поскольку подобное поведение не означает потерю возможности оказания

влияния на должника» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53), что также подтверждается региональной судебной практикой (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 № Ф09-3499/18 по делу № А76-23547/2013). В практике действие указанных презумпций наглядно проявились в деле о привлечении С. В. Пугачева к субсидиарной ответственности по обязательствам акционерного общества «Международный Промышленный Банк»: «Наличие фактического контроля над должником было установлено по совокупности обстоятельств, в том числе: существования в банке системы согласования и принятия решений, в соответствии с которой без согласия С. В. Пугачева не могло быть принято ни одно решение в банке (проведение собеседования при приеме лиц на работу в банк, согласование вознаграждения работникам банка, участие в рабочих совещаниях банка, дача прямых указаний должностным лицам банка на подписание сделок от имени банка, участие в переговорах с третьими лицами от имени банка, необходимость согласования с ним любых решений и сделок банка); наличия у С. В. Пугачева своего кабинета в офисе банка» (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 № 09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015 по делу № А40-119763/10).

Рассмотрим «презумпцию выгоды». Для установления статуса КДЛ (факта-предположения) необходимо доказать получение выгоды (факта-основания). Рассматривая сущность презумпции, ее можно разделить на две составляющие: «во-первых, данное лицо должно было извлечь существенную (имеется в виду существенную соразмерно масштабам деятельности должника) выгоду; во-вторых, такая выгода в виде увеличения активов образовалась в результате того, что действия руководителя должника не соответствовали закону (в том числе принципу добросовестности)» [12. С. 230].

Пример привлечения скрытого бенефициара к субсидиарной ответственности и обнаружения статуса КДЛ можно наблюдать в деле о банкротстве АКБ «Инвестторг-Банк». В. В. Гудков являлся контролирующим лицом банка, так как он давал интервью газете «Ведомости», информационному portalу Banki.ru, журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах банка на ближайшую перспективу (Постановление Арбитражного суда Московского окру-

га от 26 декабря 2016 года № Ф05-19470/2016 по делу № А40-56167/2016).

Так, классической схемой получения выгоды являются фиктивный документооборот, разделение предпринимательской деятельности общества на рисковые («центры убытков») и безрисковые («центры прибылей») центры (определение Верховного Суда РФ от 03.08.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014) и аккумулярование на стороне должника основной долговой нагрузки (Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21.07.2021 № Ф01-1535/2021 по делу № А29-10924/2019). При этом презумпция выгоды может применяться и к родственникам КДЛ, в том числе к детям, но только совершеннолетним. Так, в одном из дел суд отказал в привлечении в качестве КДЛ несовершеннолетнего ребенка директора общества, указав на то, что «к несовершеннолетним детям контролирующих лиц неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве) в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи, с одной стороны, стремление родителей оградить детей от негативной информации, с другой стороны, повышенный уровень доверия детей к своим родителям. Вместе с тем изложенное не исключает возможность использования родителями личности детей в качестве инструмента для сокрытия принадлежащего родителям имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов о возмещении вреда, причиненного родителями данным кредиторам» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016). Указанное дает основания для оспаривания сделки по общим нормам ЗоБ, но при этом исключает полностью механизм применения субсидиарной ответственности КДЛ.

Также суд может признать лицо КДЛ по любым иным доказанным основаниям (п. 5 ст. 61.10), которые прямо в законе не указаны. В Письме ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» указано, что этими основаниями могут служить, например, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например: совместное проживание (в том числе состояние

в так называемом гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и т. п.

Для определения статуса КДЛ необходимо установить дату объективного банкротства. Объективное банкротство — это о критическом моменте, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей (Определение ВС РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015). То есть, когда пассивы должника превысили его активы и это состояние не временно, а постоянно. В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 63 от 23.12.2010 указано, что само по себе наличие на момент совершения сделки признаков банкротства не является достаточным доказательством наличия признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. Как показывает практика, суды интересуют признаки неплатежеспособности, то есть объективное банкротства. Отсюда вопрос: установление даты объективного банкротства — это вопрос права или факта? В Определении ВС РФ от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837 по делу № А23-6235/2015 указано, что неплатежеспособность с точки зрения законодательства о банкротстве является юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и пр. По смыслу положений арбитражного процессуального законодательства перед экспер-

том может быть поставлен только вопрос факта (в данном случае оценка финансового состояния должника), в то время как установление признаков неплатежеспособности относится к вопросам права, в силу чего основанный исключительно на заключении судебной экспертизы вывод судов о неплатежеспособности должника является также ошибочным. Соответственно, суды относят это к вопросам права, что дает суду возможность самостоятельно определить дату объективного банкротства. Следует отметить, что это может быть не точная дата, а средняя дата, когда у должника провал финансовых показателей, он не может осуществлять нормально свою деятельность. Аналогичная практика закреплена и в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020). В частности, в п. 3 указано, что требование контролирующего должника лица подлежит удовлетворению после удовлетворения требований других кредиторов, если оно основано на договоре, исполнение по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса. Вместе с тем следует сказать, что без экономической экспертизы достаточно сложно суду доказать факт объективного банкротства.

Таким образом, следует сделать вывод, что проблемы определения природы субсидиарной ответственности в банкротстве влияют на объем доказывания, на перечень лиц, которые могут быть привлечены к ответственности и на пределы этой ответственности.

Список источников

1. Колонтаевская И. Ф. Проблемы взаимодействия корпоративного права России и зарубежных стран. Доктрина «снятия корпоративной вуали» // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2014. № 3.
2. Филатова У. Б., Горбач О. В. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения // Гражданское право. 2019. № 1.
3. Попондопуло В. Ф., Силина (Слепченко) Е. В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. 2018. № 4.
4. Суворов Е. Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7.
5. Горбашев И. В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 4.
6. Проблемы современной цивилистики: сб. ст., посвящ. памяти проф. С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. М.: Статут, 2013.

7. Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // *Хозяйство и право*. 2016. № 1.
8. Лотфуллин Р. К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующего должника лица при банкротстве // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2021. № 6.
9. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица: эволюция законодательных подходов // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. № 2.
10. Серeda И. М., Серeda А. Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. М.: Статут, 2020.
11. Шиткина И. С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // *Право и бизнес*. 2017. № 3. С. 21–40.
12. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А. Б. Баранова, А. З. Бобылева, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020.

References

1. Kolontaevskaya IF. Problems of interaction between corporate law in Russia and foreign countries. The doctrine of “removing the corporate veil”. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Iu. Vitte. Ser. 2: Iuridicheskie nauki = Bulletin of Moscow Witte University. Ser. 2: Legal sciences*. 2014;(3). (In Russ.).
2. Filatova UB, Gorbach OV. The Doctrine of “Removing the Corporate Veil”: Some Aspects of Application. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2019;(1). (In Russ.).
3. Popondopulo VF, Silina (Slepchenko) EV. Responsibility of the head of the debtor and other persons in the bankruptcy case. *Sud`ya = Judge*. 2018;(4). (In Russ.).
4. Suvorov ED. To the question of the legal nature of subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor for bringing to bankruptcy. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018;(7). (In Russ.).
5. Gorbachev IV. On some material and legal aspects of bringing to subsidiary liability in the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2018;(4). (In Russ.).
6. Sukhanov EA, Telyukin MV (eds.). Problemy sovremennoy tsivilistiki = Problems of modern civil law: Collection of articles dedicated to the memory of Professor S. M. Korneeva. Moscow: Statut; 2013. (In Russ.).
7. Lomakin D, Gentovt O. Responsibility of controlling persons: legal nature and the mechanism of attraction to it. *Hoziaystvo i pravo = Economy and law*. 2016;(1). (In Russ.).
8. Lotfullin RK. Subsidiary and other liability of the controlling debtor of a person in case of bankruptcy. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiyskoy Federatscii = Bulletin of economic justice of the Russian Federation*. 2021;(6). (In Russ.).
9. Golubtsov VG. Subsidiary liability of persons controlling the debtor: the evolution of legislative approaches. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki = Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*. 2020;(2). (In Russ.).
10. Sereda IM, Sereda AG. Mehanizm pravovogo regulirovaniia otnosheniy, vznikaiushchikh v sviazi s privlecheniem kontroliruiushchikh dolzhnika lits k otvetstvennosti pri bankrotstve = The mechanism of legal regulation of relations arising in connection with bringing the persons controlling the debtor to liability in case of bankruptcy. Moscow: Statut; 2020. (In Russ.).
11. Shitkina IS. Responsibility of persons controlling the debtor in case of insolvency (bankruptcy) (lecture within the framework of the training course “Entrepreneurial Law”). *Pravo i biznes = Law and Business*. 2017;(4):21-40. (In Russ.).

12. Baranova AB, Bobyleva AZ, Waipan VA [et al.]; Karelina SA, Frolov IV (eds.). Institut nesostoiatel'nosti (bankrotstva) v pravovoy sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriia i praktika pravoprimeneniia = The institution of insolvency (bankruptcy) in the legal system of Russia and foreign countries: theory and practice of law enforcement. Moscow: Yustitsinform; 2020. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Новокшорова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права ЧелГУ, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Челябинского филиала РАНХиГС.

Д. А. Федейкина — студентка Института права.

Information about authors

Nina A. Novokshonova — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Chelyabinsk State University, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Daria A. Fedeikina — student of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.05.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflict of interest.